

Передний дворец гудел от шума, доносившегося оттуда приглушенным эхом. Похоже, между различными группировками вспыхнул спор, и там творился полный хаос. Однако Его Величество сидел здесь совершенно неподвижно, словно ничего не слышал, а выражение его лица было пугающе спокойным.

Е Фэн перевел взгляд с распущенных волос императора на лежащую рядом императорскую корону, а затем на аккуратно разложенные, нетронутые свадебные одежды. Он невольно вспомнил, как в ночь перед свадьбой Его Величество вызвал его, чтобы обсудить церемонию.

Государь сказал, что, хотя нравы в государстве Чжао свободны и брак между двумя мужчинами не считается чем-то недопустимым или постыдным, вопрос о том, кто из них будет мужем, а кто женой, все же остается. Формально он — император, берущий в супруги господина Чу, но он не желал ни в чем ущемлять любимого. Поэтому на свадебных нарядах не будет вышито ни драконов, ни фениксов, никаких корон с подвесками — только одинаковые красные одеяния для обоих. А что касается императорской короны, то Его Величество решил, что не наденет ее в тот день: они с господином Чу будут одеты одинаково, чтобы никто из подданных не смог понять, кто из них в какой роли.

У господина Чу не было родных, а за пределами дворца — собственного поместья, поэтому Его Величество сделал Дворец Чжияй его домом, где и должна была состояться церемония. После свадьбы император собирался поселиться там же. Е Фэн видел, что ради того, чтобы заткнуть рты сплетникам, Его Величество готов был сделать для господина Чу абсолютно всё, даже поступиться императорским достоинством.

Но... господин Чу ушел, даже не прикоснувшись к свадебному наряду.

Когда Е Фэн вошел, он увидел, что Его Величество склонил голову, словно намереваясь погладить аккуратно разложенные одежды, но, заметив на своих пальцах кровь, вздрогнул и поспешно отдернул руку.

Е Фэн знал, что, хотя император и был готов отпустить господина Чу, он не мог его отпустить — даже ценой собственной жизни не мог. Он смотрел на фигуру государя, одиноко сидящего на брачном ложе: лицо его было мертвенно-бледным, и лишь губы ярко алели от крови, а на простынях расплылось огромное алое пятно.

Неизвестно, сколько времени он просидел здесь, кашляя кровью.

Император хотел увидеть господина Чу в последний раз, но боялся, что это лишь разозлит его, и потому не решался пойти. Не выдержав, Е Фэн тихо произнес:

— Если Ваше Величество хочет его видеть, идите. Господин Чу не станет на вас злиться.

...

Погода становилась все прохладнее, зеленые листья на деревьях начали желтеть и опадать. Лишь огромные заросли красных яблонь-бегоний, сливаясь с морем красных лент и праздничных фонарей, озаряли мрачный императорский дворец ярким, торжественным светом.

В самом уединенном и заброшенном уголке дворца человек в нефритовой короне и с длинным мечом за спиной уверенно шагал по ступеням, ведущим в темницу.

Вэй Ци следовал за ним, сжимая в руке оружие и настороженно оглядываясь. В темнице было подозрительно тихо — за весь путь они не встретили ни одного стражника.

— Господин Чу... — неуверенно позвал Вэй Ци.

Чу Чанси обернулся. В полумраке подземелья его черты лица казались размытыми, а облаченный в белое силуэт напоминал иней или снег.

— Не беспокойся. Чжао Цзючэнь уже вошел внутрь со своими людьми. Если бы здесь была засада, мы бы уже услышали шум. Поспешим, чтобы встретиться с ним.

Даже у подножия лестницы, ведущей в последнюю камеру, никого не было. Чжао Цзючэнь тоже был удивлен и, опасаясь ловушки, не решался войти, колеблясь у входа.

Увидев спускающегося Чу Чанси, он схватил его за запястье и покачал головой:

— Осторожно, это может быть обман.

Система: «Главный герой просто отвел всех стражников, он открыто позволяет вам уйти».

Чу Чанси стряхнул его руку со своего запястья, перекинул меч за спину и спустился вниз. Красный свет от жаровен осветил его прекрасное лицо — холодное, бесстрастное и бесстрашное, словно лик божества.

Люди позади него замерли в изумлении.

Вэй Ци быстро пришел в себя и последовал за господином. Чжао Цзючэнь на мгновение остолбенел, а затем взмахом руки приказал своим людям в черном следовать за ними.

Пройдя по ступеням, они оказались перед дверью каменной камеры. Чу Чанси наконец увидел того самого легендарного... бывшего возлюбленного?

Человек был растрепан, его тело опутано цепями, но выглядел он сносно. Он сидел, прислонившись к стене и прикрыв глаза, отдыхая. В темнице постоянно сновали стражники, и Чжао Цзинье, казалось, не подозревал, что пришедшие сегодня чем-то отличаются от

остальных. Почувствовав присутствие людей, он лишь с досадой отодвинулся, из-за чего цепи с резким, неприятным звоном ударились о камни. Чжао Цзинье слегка приподнял бровь, но, будучи слишком ленивым, чтобы разбираться, не открыл глаз.

Его лицо было поразительно похоже на лицо главного героя, но характер был совершенно иным.

Чу Чанси смотрел на него, собираясь подойти ближе, как вдруг в груди что-то дрогнуло, и он ощутил странную, ноющую слабость.

Система: «Хозяин, ты... что с тобой сейчас было?» Впервые за все время связи с хозяином система почувствовала перемену в его настроении и была просто ошарашена!

— Ничего. Дочерняя гу в моем теле почувствовала присутствие материнской гу и пришла в беспокойство, — ответил Чу Чанси.

Он мгновенно осознал происходящее. Прислушавшись к себе, он обнаружил, что чувство, которое можно было бы назвать жалостью или нежностью, возникшее при виде узника, показалось ему даже чем-то новым.

— Значит, гу действительно была подсажена? — система была готова разрыдаться. — Но по логике этого мира, Гу Жизни и Смерти реагирует только в моменты смертельной опасности, когда жизни угрожает гибель. Сейчас вы оба в порядке, почему же этот червь зашевелился?

Чу Чанси не ответил системе. Он смотрел на человека в камере, и пальцы, сжимавшие рукоять меча, внезапно напряглись. Его лицо, вечно покрытое слоем инея, при взгляде на узника словно немного оттаяло.

Вэй Ци, заметив это, проследил за взглядом господина и печально опустил глаза. Он подумал: господин действительно любит князя Ли, только при взгляде на него его глаза светятся иначе, пусть даже эта перемена едва уловима.

— Господин Чу? — Чжао Цзючэнь, заметив этот взгляд, помрачнел и не сдержался, чтобы не напомнить о себе.

Этот голос не только вернул Чу Чанси к реальности, но и встревожил того, кто отдыхал в камере. Чжао Цзинье распахнул глаза.

Чу Чанси разрубил мечом цепи на двери и вошел внутрь:

— Ты в порядке?

— ...

В полумраке темницы лишь красный свет огня очерчивал черты лица вошедшего. Чу Чанси, с наполовину собранными волосами и в нефритовой короне, выглядел как небожитель. Не дождавшись ответа, он склонил голову, и черные пряди скользнули по его плечу, обнажая полоску кожи, белую, как нефрит.

Он протянул Чжао Цзинье руку:

— Пойдем со мной.

Эта сцена заставила Чжао Цзинье на мгновение погрузиться в воспоминания. В тот день, залитый закатным солнцем, юный господин, похожий на цветок из снега и нефрита, легко победил его с помощью одной лишь ивовой ветви, а затем, когда он лежал на земле, склонился над ним и протянул руку, чтобы помочь встать.

В прошлый раз он замешкался и не успел ответить. Как же он мог упустить этот шанс сейчас?

Глаза Чжао Цзинье наполнились слезами, он обеими руками ухватился за протянутую ладонь:

— Чанси? Это правда ты? Ты цел? Как хорошо!

Чу Чанси помог ему подняться, цепи зазвенели, и он взмахнул мечом, перерубая их одну за другой.

— Сейчас не время для разговоров, нужно уходить.

— Хорошо.

Голос Чжао Цзинье дрожал, он был готов расплакаться от счастья. Он не хотел отпускать руку Чу Чанси ни на секунду, ведь он думал, что никогда больше его не увидит.

— Господин Чу, времени мало, нужно поскорее уходить, — Чжао Цзючэнь смотрел на их сцепленные руки, с трудом подавляя темные, невыносимые чувства.

Это было не то же самое, что видеть Чу Чанси с императором. Тогда он точно знал, что Чу Чанси не испытывает чувств к брату. Но Чжао Цзинье... пусть это было подстроено, пусть чувства были искусственными, но сейчас в сердце Чу Чанси к третьему брату наверняка возникло нечто «настоящее».

Его сжигала ревность.

Он отдал приказ, и люди в черном окружили Чу Чанси, охраняя их на пути к выходу. Чжао Цзинье был удивлен, увидев, кто помогает его спасению, но сейчас было не до размышлений.

Поскольку в темнице не было стражи, они двигались еще осторожнее, опасаясь, что император устроил ловушку. Чу Чанси чувствовал, как его руку сжимают все сильнее, и в полумраке слегка нахмурился. Он никогда не любил прикосновений.

Чжао Цзинье заметил это, занервничал, но напустил на себя уверенный вид и прошептал:

— Я хочу держать тебя за руку, я так скучал. Эти два года я думал о тебе каждый день.

— ...Мм. — Чу Чанси помолчал, но не стал возражать и позволил ему это.

В глазах Вэй Ци промелькнуло удивление, а лицо Чжао Цзючэня стало еще мрачнее.

Чжао Цзинье не смотрел на них, лишь закусил губу, чувствуя облегчение. Эта проверка подтвердила, что гу в теле Чанси все еще действует: как и раньше, пусть он не выражает любви словами, он делает для него исключения и позволяет то, что запрещено другим.

Раз гу действует — значит, все хорошо.

Чжао Цзинье радостно улыбнулся и немного ослабил хватку, боясь, что Чанси будет неприятно.

Чу Чанси почувствовал это и посмотрел на него. Чжао Цзинье улыбнулся ему еще ярче.

У них были похожие лица, но улыбка главного героя, сколько бы он ее ни копировал, всегда отдавала неуверенностью и подбострастием. Чжао Цзинье был другим — он с рождения привык к любви, и когда улыбался искренне, его лицо сияло, словно закатное солнце.

Чу Чанси отвел взгляд и посмотрел в темноту перед собой.

Система не выдержала: «Хозяин, твое актерское мастерство на высшем уровне!»

— Главный герой пришел? — спросил Чу Чанси.

Система: «Да, он прямо у выхода из темницы».

— С войском?

Система: «Е Фэн с ним, чтобы защитить главного героя, так что, скорее всего, да».

— Вот и отлично.

Система: «???»

Чу Чанси хотел что-то добавить, но они вышли из темницы, и он перестал общаться с системой.

Выход находился в заброшенном месте, заросшем сорняками. Осенний ветер гнул пожелтевшую траву, небо вдалеке темнело, но здесь было светлее, чем внизу.

Побег прошел подозрительно гладко. Чжао Цзючэнь был в смятении: возможно, император обо всем догадался и решил их отпустить, ведь его чувства к Чу Чанси были столь глубоки, что это вполне вероятно. Он уже собирался уходить по намеченному пути, как вдруг увидел фигуру, идущую по усыпанной камнями тропинке среди высокой травы.

Человек в алом свадебном наряде, с распущенными волосами, медленно приближался через лес. Узнав, кто это, Чжао Цзючэнь поспешно загородил собой Чу Чанси и, опасаясь ловушки, потянул его назад:

— Черт, это все-таки засада.

Но пришедший был один. Его лицо было бледным и безжизненным, как у покойника, и лишь при виде Чу Чанси уголки его губ слегка дрогнули в привычной, нежной улыбке.

— Чанси, я... — отпущу вас.

Чжао Цзинъюй не успел договорить, потому что Чу Чанси спокойно вышел из-за спины Чжао Цзючэня. Его лицо было холодным и отстраненным, словно лунный свет над зимней рекой, и он внезапно выхватил меч, направляя его прямо на императора.

Чжао Цзинъюй также заметил, что другой рукой Чу Чанси крепко сжимает ладонь третьего брата.

<http://bllate.org/book/19901/1959229>